

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА

УДК 81'23:39

ПРОЦЕСС ОПОРЫ НА ВЫВОДНОЕ ЗНАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ САМОКОНТРОЛЯ

О.В. Голубева

Тверской государственный университет, Тверь

Статья посвящена исследованию феномена самоконтроля как имплицитно представленной части процесса понимания с опорой на выводное значение, обусловленного причинно-смысловыми связями между внешними (вербальными, ситуативными) и внутренними посылками (смысловыми переживаниями значения, определяющим их формирование мультимодальным основанием).

Ключевые слова: *выводное знание, выводной контекст, эвиденциальное смысловое переживание, самоконтроль.*

Проблема осуществления контроля процесса речемыслительной деятельности и правдоподобия его продуктов широко обсуждается в когнитивной психологии, разработках по искусственному интеллекту, психолингвистике. Контроль как верификация процесса и результата активности субъекта рассматривается в логике и философии в качестве дедуктивной проверки, т.е. через соотнесение с общей / категориальной посылкой (классические труды Ч.С. Пирса, Д. Юма и т.д.). Философ Д. Гудинг признаёт возможность контроля только при условии учёта целей и стратегий индивида-учёного при решении проблемы, а также специфики причинно-смысловых связей между этапами построения модели экспертного знания (4D модель трансформации образа: от перцептивного паттерна-схемы до динамической модели представления знаний учёного). Эти связи выступают залогом контроля логичности и объективности полученных умозаключений [5: 22–27].

В когнитивной психологии процесс контроля связан с формированием обобщённых продуктов опыта индивида, которые выступают общей посылкой формирования умозаключения и средством контроля его правдоподобия (суппозиции в теории ментальных моделей Ф. Джонсона-Лэрда и др.). Постоянная верификация в процессе накопления опыта по схеме «снизу–вверх» обеспечивает достоверность таких обобщений: перцептивных символов / симуляторов в трактовке Л. Барсалоу, сформированных ранее мультимодальных образов причины (теория нейронного моделирования П. Тагарда), глубинных когнитивных установок в виде трёх пространственных осей, задающих пространственную и когнитивную координацию (теория пространственной когниции Б. Тверски).

В психолингвистике механизм контроля исследуется А.А. Залевской в рамках моделирования речемыслительной деятельности. Признавая ведущей роль индивида в осуществлении этой деятельности, А.А. Залевская полагает, что этапы формирования высказывания (о модели речемыслительного процесса см.: [3: 21]) обусловлены наличием множественных петель обратной связи, каждая из которых обеспечивает проверку правдоподобия итога на соответствующем этапе при общей опоре на внутренний контекст индивида. Такая двойная проверка (опора на конкретный продукт опыта, являющийся, в свою

очередь, частью совокупного смыслового «фона»-гипертекста), позволяет утверждать комплексность процесса самоконтроля и возможность его осуществления на разных уровнях осознанности.

Имплицитность опоры на продукты прежнего опыта в ходе понимания *ad hoc* даёт возможность предположить, что, создавая внутренние смысловые опоры идентификации единицы языка, индивид одновременно устанавливает и их правдоподобие «для себя» (обзор прагматических изысканий по проблеме условно-истинностных инференций см.: [1]). Мультиmodalная природа функциональных смысловых опор обеспечивает проверку правдоподобия, исходя из специфики переработки информации индивидом, и подразумевает метаконтроль (метаперцептивный, контроль за социокультурным аспектом ситуации общения и т.д.) [2: 34]. Проверке подлежат продукты перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта, т.е. всё, «что имплицитруется соотносимыми с языковыми единицами категориальными полями, смысловыми полями и идентифицируемыми (с разных позиций) признаками, отношениями, ситуациями с вытекающими из них следствиями» [3: 29. Разрядка автора].

Изучение проблемы контроля как естественного процесса с позиций соответствующей деятельности активного индивида позволяет перейти из сферы абстрактных построений к экспериментальным доказательствам его метаязыковой природы. Признавая продукты прежнего опыта человека необходимыми и достаточными свидетельствами правдоподобия новых примеров его речемыслительной деятельности, мы полагаем, что залогом объяснения истинности собственных умозаключений являются устанавливаемые индивидом причинно-смысловые связи между заданным извне и релевантными итогами внутреннего «бытия» индивида. Многие учёные, исследующие процесс динамического развития системы, от искусственного аналога интеллекта человека, заданного в виде сети каузальных связей [6], до значения отдельного слова (см. работы И. Керкеса, Дж. Олвуда и др.), отмечают, что инференция, или опора на выводное значение, с одной стороны, выступает процедурой установления причинно-смысловых связей, с другой, – обеспечивает структурную асимметрию системы, выделяя самые релевантные продукты опыта индивида.

Принимая во внимание активную роль субъекта в формировании опосредованных опытом результатов и объединяющих их связей, полагаем, что такие продукты можно считать эвиденциальными смысловыми переживаниями значения индивидом (далее – ЭСП), уникальные благодаря экспертным знаниям человека, психофизическим, когнитивным и эмоциональным особенностям, но обнаруживающие схожесть благодаря общности линий переработки знаний и вырабатываемых на их основе стратегий того, как наиболее успешно объяснить «для себя» суть поступающей извне информации.

Создаваемые обобщённые представления о важнейших характеристиках объекта трактуются как ракурсы смыслового «видения», или имплицитные установки целостного представления о фрагменте действительности. Так, каждый преподаватель иностранного языка сталкивался с ситуациями, когда обучаемые не знают значения иноязычного слова, но довольно легко могут определить его общую эмоционально-оценочную специфику (означает что-то положительное / отрицательное), имитируют действие, которое, по их мнению,

порождает звук, схожий с фонетической оболочкой слова, а также прибегают к названию категории, к которой может относиться именуемый словом объект и т.д. Такое общее смысловое «видение» было выявлено нами в ходе анализа итогов свободных ассоциативных экспериментов с различными стимулами, когда преобладающее число реакций с высокой эмоционально-оценочной нагрузкой, например, для некоторых терминов экономической направленности (*кредит, кризис* и т.д.), имён собственных (*Украина, Россия, Е. Плющенко*) значительно превышало все остальные и дало возможность предположить наличие эмоционально-оценочного ракурса смыслового «видения» релевантных признаков референта.

Для стимула *сумерки* в 68% доминантным оказался перцептивно-предметный ракурс смыслового «видения», что эксплицируется маркерами-ассоциатами (*звёзды, солнце садится, наступает ночь, темнота, темнеет, холодно, появляются вампиры* и т.д.). Такие маркеры имплицитно подразумевают прежний контекст своего переживания: индивид как бы заново ощущает холод, наблюдает приход темноты, «видит» объекты, испытывает эмоции и т.д. Это контекстуальное подкрепление позволяет выделить определённый способ представления общего ракурса на базе множества схожих контекстов (в данном случае сукцессивно-дескриптивного), реализуемого по схеме «причина – её последовательная характеристика». Применение этой схемы «здесь и сейчас» позволит приписать различные признаки, связанные с процессом перехода дня в ночь (*сумерки наступают / закончились / приближались / опускались / сгущались* и т.д.), что обеспечивает детализацию по параметрам пространственно-временной локации (*на город*), качества (*медленно, быстро*) и т.д. Субъект додумывает *ad hoc* детали как бы «вживаясь» в процесс, исходя из собственных ощущений, производя некоторые обобщения (*прогулка по ночному городу, вампиры* как главные атрибуты сумерек и т.д.), дополняя образное представление эмоционально-оценочными характеристиками (*плавно, стремительно* и т.д.).

Формируя в ходе «эволюционирования» (поступательного движения по спирали) свидетельство опыта взаимодействия с объектом, индивид опирается на варианты примеров, которые возможны при учёте ракурса смыслового «видения» и способа его контекстуального представления. Детализация таких вариантов зависит от конкретных причинно-смысловых связей, которые объясняют, почему именно эти детали будут наиболее релевантными «здесь и сейчас». В целом ЭСП – это «свёрнутые» имплицитные суждения о фрагментах действительности, прямо или косвенно «видимых» активным субъектом, самоконтроль правдоподобия которых обеспечивается прецедентными установками / ракурсами и обобщённым гиперпространством внутреннего мира индивида. ЭСП являются компонентами общей интегративной опоры, которую индивид создаёт в процессе понимания / объяснения «для себя» значения слова / текста. Такую структуру (от активизирующего её вербального стимула S, и маркеров T кодировки свидетельств опыта переживания значения, пересекающихся по множеству оснований благодаря контекстам своего представления, до глубокой информационной базы) можно представить графически (см. рис.).

Понимание содержания текста с опорой на выводное значение (далее – ВЗ) представляет сложный процесс, который обеспечивает задействование

множества ЭСП читателя, активируемых ключевыми словами текста. Этот процесс обусловлен проекцией автора, т.е. «видением» его замысла глазами читателя, что подразумевает учёт энциклопедических и экспертных знаний создателя произведения настолько, насколько позволяет собственный потенциал воспринимающего. Вербальное воплощение текста также играет значительную роль при определении его основной мысли. Отсюда условиями самоконтроля «правильности» понимания являются специфика ЭСП (прежнего опыта читателя), диапазон его общих знаний об авторе и произведении, языковое представление текста.

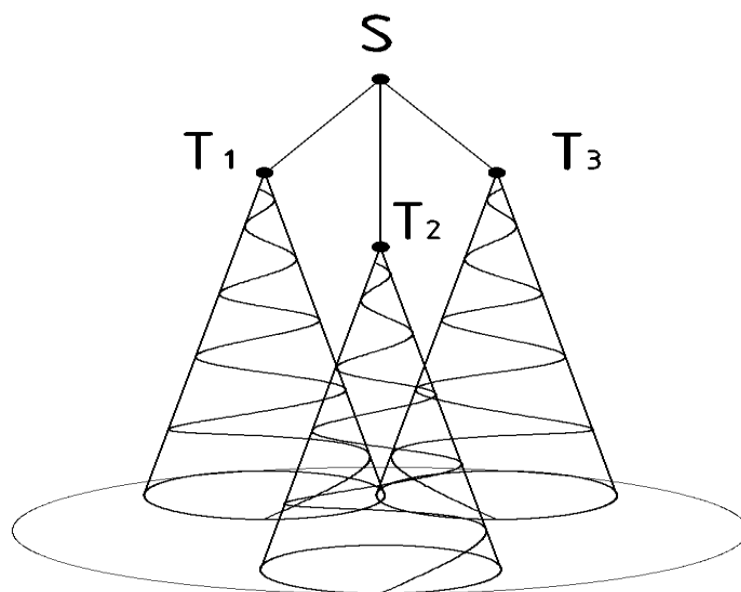

Рис. Процесс формирования / идентификации значения с опорой на выводные значения

Нами были рассмотрены реакции 153 испытуемых (далее – Ии.) на следующий отрывок из романа В. Набокова «Другие берега».

Летние сумерки («сумерки» – какой это томный сиреневый звук!). Время действия: тающая точка посреди первого десятилетия нашего века. Место: пятьдесят девятый градус северной широты, считая от экватора и сотый восточной долготы, считая от кончика моего пера. Июньскому дню требовалась вечность для угасания: небо, высокие цветы, неподвижные воды – всё это как-то повисало в бесконечном замирании вечера, которое не разрешалось, а продлевалось ещё и ещё грустным мычанием коровы на далёком лугу или грустнейшим криком птицы за речным низовьем, с широкого туманного мохового болота, столь недосягаемого, что ещё дети Рукавишниковы прозвали его: Америка [4: 175].

Было установлено, что Ии. формируют первоначальное представление об образе потенциального референта посредством ключевых слов, которые задают набор соответствующих ЭСП того, как респондент привык осуществлять подобное смысловое «видение» в естественных условиях познания и ком-

муникации. Наибольшее число выделенных Ии. ключевых слов отнесено к смысловым блокам «Время», «Место», «Действие» (332, 165 и 115 реакций соответственно). Как показывали ранее проводимые свободные ассоциативные эксперименты, например, со стимулом *место, сумерки*, прецедентный ракурс смыслового «видения» характеристик потенциального референта / события имеет перцептивно-предметную специфику. Кодированные ЭСП маркеры-ассоциаты отражают наиболее значимые характеристики, причинно связанные с выделением конкретных деталей, ощущений, переживаниями опыта взаимодействия с данным фрагментом действительности.

Насыщенный словами, описывающими перцептивно-предметные элементы происходящего и ощущаемого, текст активизирует схожие внутренние фрагменты опыта у Ии. Процессуальность передаваемого события также «проецирует» соответствующий внутренний способ контекстуального развёртывания (*Текст о медленно и постепенно наступающем летнем вечере в деревне / Описывается, как долго июньский летний день переходит в вечер, как неохотно и какие бывают вечера близ деревень и посёлков, с их грустью и неподвижностью, тихим спокойствием и тоской души* и т.д.). Однако различия энциклопедических знаний о топониме *Америка* (как стране и как конкретном отдалённом месте) автора и читателя приводят к ошибочным представлениям. Так, опора на ключевое слово *Америка* позволяет использовать его как некий пространственный ориентир (*Описание летнего вечера: природа, далёкий луг, моховое болото – всё это так далеко, что кажется, что до них как до Америки*). Субъективно приписанные эмоционально-оценочные характеристики и сделанные обобщения также происходят на базе знаний об Америке-стране (*Сумерки начинаются с медленного угасания дня, и отдалённое место становится тающей точкой в спускающейся темноте / Окружающая природа в июне красивая, и болото, находящееся далеко, назвали Америкой / Текст о тихом прекрасном, волшебном месте, которое дети нашли в Америке*).

Согласованность в целом внешней и внутренней посылки понимания с опорой на ВЗ приводит к тому, что наиболее востребованной оказывается модель минимального задействования ВЗ (выявлена 71 проекция или 46,5%). Проекция, сформированные при помощи этой модели, не отличаются ярким проявлением позиции читателя, они предполагают учёт авторских перцептивно-предметных и эмоционально-оценочных характеристик и некоторые собственные добавления и замены. Ии. демонстрируют некоторые переосмысления, а также комбинации характеристик, относимых в тексте к другому явлению (*июньский день – июньские сумерки, летний день; вечер – летний вечер / американский вечер* и т.д.). Примерами можно считать субъективное уточнение времени суток, места (*вечер как часть дня, сумерки как вечер или ночь*): *Описание вечера / летнего дня / июньского дня, переходящего в вечер / об июньском дне, когда наступили уже сумерки / летнего заката и происходящих природных явлений в летнюю ночь / Описывается июньский день / сумерки, вечер / чем заканчивается день / Текст о ночных сумерках, о том, что происходит в это время суток и что мы не видим и не слышим / о спокойном летнем вечере / тёплом летнем вечере / Описывается какое-то место, которое прозвали Америка*.

Сопереживание читателя отражено в субъективно приписываемой специфической деятельности автора (*Поэт пишет о вечере июньского дня / Текст об июньском вечере, который писатель проводит за работой / Автор наслаждается*

вместе с нами каждым моментом накрывающих далёкие луга и берега сумерек / Описывается июньский день и настроение автора: печаль и грусть / В тексте говорится об описании конкретного места, погоде, ощущениях, полученных рассказчиком, находящимся там / В тексте главным, своеобразным лирическим героем является летний вечер, автор даёт ему имя устами детей – Америка / Описание местности, которая в понимании автора начинается с тонких сумерек и кончается недостойным болотом). Упоминание Америки создаёт предпосылки в определении местонахождения автора (Автор описывает вид из окна своего дома в Америке, который вдохновил его на создание этого произведения / Автор находится в Америке и наслаждается постепенным угасанием дня, далёкими лугами и т.д.).

Обобщения осуществляются в силу результативного характера продукта понимания: Ии. иногда проще описать факты, приведённые в тексте, а не, например, перцептивные ощущения или эмоциональные переживания автора. Упоминание различных мест (реки, болота и т.д.) обобщаются как описание природы; тёплого летнего вечера и ясного неба – как прекрасной погоды и т.д. Эти обобщения включены в последовательность описания явления и составляют один из её элементов (Так как это отрывок из текста, то по нему можно сделать вывод о том, что описывается какая-то местность, а точнее, русская природа, её состояние во время летних дней / Описываются сумерки погожим летним днём, когда окружающий мир тает в надвигающемся вечере / Текст о представлениях о том, как вокруг тепло, хорошо и безмятежно). Однако приписывание субъективно выявленных по различным параметрам признаков и обобщений часто не соответствует сведениям из текста, что происходит вследствие ошибок при конкретизации / обобщении сведений о месте, времени (Этот текст о вечере июльского дня / июльском дне / в тексте говорится об американском вечере и всех тонкостях угасания дня / ... летних сумерках в Америке / Описание обычного дня лета в Америке).

Если суммировать наиболее частотные элементы ответов, касающихся ошибок при идентификации места действия (страна Америка, деревня), времени (летом, вечером, ночные сумерки, окончание дня), состоянии окружающей среды (тишина, безмятежность, прекрасная погода, окружающий мир), эмоционально-оценочных переживаний Ии. и приписываемых автору (хорошо, наслаждаться, тепло), то мы получим схему потенциальных смысловых развитий, которые могут быть сделаны на основе причинно-смысловых связей, устанавливаемых при прочтении текста и подкреплённых примерами ЭСП. Такая реконструкция может стать основой прогноза итогов понимания текста и оказаться полезной, например, в работах по компьютерному моделированию процесса понимания.

Контролирующая функция причинно-смысловых связей позволяет Ии. объяснить определённые отступления от содержания текста и переход к иным ЭСП, связанным, например, с позитивным / негативным отношением к Америке-государству: Грустный и неподвижный пейзаж сравнивается с «томной», наглой Америкой / Америка – страна-«болото», страна людей-тугодумов, которые хотят править всем миром / Удивительно сравнение Америки с «моховым болотом», оно может указывать как на страх перед Америкой, так и на то, что в Америке люди «вязнут» / Как богата, прекрасна и недостижима Америка.

Таким образом, осуществление самоконтроля на различных этапах речемыслительного процесса во многом обусловлено причинно-смысловыми

связями, которые маркируют наиболее важные элементы внешнего вербально-го представления стимула и обеспечивают поиск нужного фрагмента интегративной смысловой опоры, позволяющий индивиду ещё раз «увидеть» по-новому то, что составляет его внутренний имплицитный опыт.

Список литературы

1. Голубева О.В. Вопросы теоретической трактовки проблемы выводного знания // Вестник ТвГУ, 2015. № 2. С. 25–31.
2. Залевская А.А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. № 4. С. 38–43.
3. Залевская А.А. Вопросы теории самоконтроля в свете моделирования речемыслительной деятельности // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр.; под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. Вып. 15. С. 19–35.
4. Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Изд-во «Правда», 1990. Т.4. С. 133–304.
5. Gooding D.C. Visualizing scientific inference // Topics in Cognitive Science. 2010. Vol. 2. Pp. 15–35.
6. Wang Y. On cognitive models of causal inferences and causation networks // International Journal of Software Science and Computational Intelligence. 2011. Vol. 3(1). Pp. 50–60.

INFERCING AS A MEANS OF SELF-CONTROL

O.V. Golubeva

Tver State University, Tver

The paper is devoted to self-control phenomenon as an implicit element of comprehension process, influenced by a number of causal inferences between external premises (verbal, situational) and internal (samples of individual evidential sense-formation based on their multimodal dynamic ground).

Keywords: *inference, inferential context, individual evidential sense-formation, self-control.*

Об авторе:

ГОЛУБЕВА Ольга Васильевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: 2008golubeva@rambler.ru